

ЗЫБЧАНЕ

СТРАНИЦА ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
КЛУБА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ "ЗЫБЧАНЕ"

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА ОТ "ЗЫБЧАН" К 54-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ИТАЛЬЯНЦЫ В РОССИИ

Отрывок из рассказа "Петро и Ксения Федоровна"

В начале апреля 1943 года в оккупированном немецко-фашистскими войсками Новозыбкове появились итальянские солдаты. Их было много и немецкая комендатура разместила их в пустовавших корпусах больницы имени Десятилетия Октября. С первых же дней пребывания в городе итальянцев было заметно, что отношения между ними и немецким начальством были совсем непохожи на обычные взаимоотношения равноправных солдат одной армии, воюющей под одними знаменами и под одним командованием.

Для местного населения что немцы, что итальянцы были одинаково солдатами враждебной армии и воспринимались не иначе, как представители чужеземной власти, преспокойной угрозы и насилия. На самом деле все было не так однозначно: власть в городе принадлежала только немцам, а итальянцы находились в полном подчинении у немецкого командования и в этом отношении итальянцы приравнивались в какой-то мере к местному населению.

Фашистская Италия в июне 1941 года вместе с фашистской Германией вступила в войну против Советского Союза и послала на восточный фронт 8-ю армию. Зимой 1942-1943 года эта армия была разгромлена советскими войсками на Среднем Дону. Одновременно с этим поражением в России итальянские войска были разгромлены англичанами в Африке. Эти непрерывные военные поражения, ухудшение условий жизни в стране, рост недовольства населения и угроза антифашистского восстания заставили правительство Италии поспешить с выходом из войны.

В этих условиях немецким командованием было принято решение о снятии остатков итальянских войск с боевых позиций советского фронта и перемещении их в тыл.

В какой тыл перемещали немцы вышедших из войны итальянских солдат - домой в Италию, или в концлагеря на территории Германии - этого ни итальянцы, ни русские жители оккупированного Новозыбкова ранней весной 43 года, конечно, не знали. Итальянцы были уверены, что возвращаются на свою родину.

Но у войны свои законы. Не убитый в бою солдат во время войны имеет только два варианта своего существования на земле: или быть солдатом своей армии, или стать во-

еннопленным во вражеском государстве. Итальянцы весной 43 года перестали быть солдатами немецкой армии, но военнопленными в ней они пока еще не стали. В этом была опасная неопределенность их положения.

Размещенная на жительство в городской больнице итальянская часть была совершенно не похожа на нормальное воинское подразделение регулярной армии. С территории больницы ни разу не доносились сигналы порядка дня, в город итальянские солдаты ни разу не выходили строем, а все больше по двое, по трое, а то и просто веселой приятельской группой. На немецких солдат они совсем не походили, это были совершенно другие люди, как по внешности, так и по поведению.

Немецкие солдаты всегда ходили по городу в строгой военной форме, затянутые в ремни и застегнутые на все крючки и пуговицы своей амуниции.

Итальянские же солдаты, похоже, совсем не были озабочены соблюдением присущего военнослужащим воинского вида. Они появлялись на улицах в расстегнутых шинелях без поясов и хлястиков, в кое-как надетых плащках, а то и совсем без них, с расстегнутыми воротниками кителей и всегда без оружия.

Они запросто и непринужденно держали разговор с русским не проявляли ни азыдно разговаривали между собой и, насколько не стесняясь незнания русского языка, то и дело вступали в беседы с местными жителями, особенно с женщинами, что-то веселое сообщая им, или что-то спрашивая у них, постоянно улыбаясь и очень располагая к себе простотой, веселостью и доброжелательностью обхождения. Тихими пологими вечерами со стороны больницы часто доносилась красивая музыка аккордеона, или мелодичная итальянская песня.

Немецкие солдаты отдельно никогда не пели. Разве иногда можно было услышать, как развеселившийся какой-нибудь эфрейтор развлекал своих товарищей игрой на губной гармошке. Но это было ничто по сравнению с мощным гармоничным звучанием итальянского аккордеона. Немцы же пели только в строю.

Однажды со стороны Красной Улицы мимо сингагоги, через мост на Барзную площадь строевым шагом двинулась колонна немецких солдат. В полном боевом снаряжении, в серых шинелях, в касках с рюшица за спи-

ной и автоматами поперек груди, они шли, сохраняя строгое равнение в рядах, тяжело громыхая коваными сапогами по бугельной мостовой. При этом они пели строевую песню. Глубокое мужское голоса звучали внушительно и даже грозно. Отрывистый ритм песни и четкий тяжелый шаг хорошо обученных пехотинцев производил впечатление несокрушимости и бездущия. Дисциплина армейского строя всегда отделяет простого человека от того, кто стоит или марширует в строю. Немецкие солдаты в строевой колонне казались редким прохожим людьми, совершенно отстраненными от обычной жизни, а их суровая песня

только усиливала это впечатление. Немецкая колонна прошла через Барзную площадь и повернула на Коммунистическую улицу.

Итальянские солдаты подобной маршировкой никогда не занимались, у них были другие дела - поинтересней. С приближением католической Пасхи они в клубе фабрики "Волна революции" начали репетировать какое-то музыкальное представление. Сторож клуба, сохранивший свою должность с дооккупационного времени и насмотревшийся на своем веку множество всякого сценического лицедейства, был весьма удивлен необычностью постановки, которую разыгрывали итальянцы. Сидя в темном зале он с недоумением следил за репетицией итальянских артистов и никак не мог взять в толк, что же такое происходит на сцене.

А на сцене происходило действительно что-то непонятное. За ролью сидел в накиннутой на плечи шинели очень грузный и очень кудрявый итальянец. Он легко и свободно играл мелодии неаполитанских песен, умело соединяя их беглыми вариациями в единую, очень певучую музыкальную пьесу. Его игра производила такое впечатление, что, казалось, он может сыграть любую на свете музыку. Но играл он странно и необычно, потому что все исполнял не так, как обычно, а с очень сложными, вдруг совершенно неожиданно переходили в незамысловатый мотив

советской "Катюши". Импровизируя, пианист непринужденно переходил от "Катюши" к песенке герцога из "Риголетто", потом выдал что-то неаполитанское и снова возвращался к "Катюше".

Под эту музыку на сцене разыгрывалось некое действо, не очень понятное и непохожее ни на обычный программный концерт, ни на оперетту, ни на выступление какой-нибудь самодеятельности. Итальянские солдаты как-то перемещались по сцене, обменивались короткими репликами, пели то все вместе хором, то поодиночке и постоянно в их итальянской речи слышалось русское слово "Катюша", особенно в

тех случаях, когда звучали несколько фортепианных тактов этой песни.

Руководил этим мероприятием очень подвижный солдат с высоким и красивым голосом. Он перешел от одного исполнителя к другому, что-то говорил им, или пел с ними вместе, одновременно подавая знаки и аккомпаниатору, то другим участникам этой необычной репетиции. Сторож клуба очень скоро утратил интерес ко всему, чем занимались итальянцы на сцене. Он рассказывал, что итальянские солдаты-ребята хорошие, но в артисты совсем не годятся и на роль никто из них играть не умеет.

Сколько ни старался их музыкант, а нашу "Катюшу" так и не сумел сыграть. Только начнет подбирать, пять-раз и сбивается. Солдаты, слушалось, уже и петь научу "Катюшу", правда по-своему, а этот у роля ни с того ни с сего вдруг - стои - и опять играет другую музыку. Возьми нашу самодеятельность: объявят номер, выйдет участник концерта и, пожалуиста, чин-чином все и споет, как следует. А тут все слоняется по сцене, а толку никакого.

Сторож явно был недоволен артистическими способностями итальянских солдат. Те же, кто слушал его рассказы, не очень-то доверяли ему, но познаться со сценическим творчеством итальянцев, к сожалению, никому в Новозыбкове не довелось. Выступление их на сцене фабричного клуба по неизвестным причинам не состоялось.

Немцы плохо кормили итальянских солдат. Каждый день на свою кухню в больницу они возили покорюженную картошку то ли из каких-то городских овошесохранилищ, то ли со станции. Тойши мул, запряженный в огромные русские сани, упорно трусился в испывальной для него упряжке. По обоимна тротуаров бегали мутные ручьи талой воды, обнаженные солнцем темнели камни бульварной мостовой, а по ним со скрежетом ползли тяжелые розвальни с укрепленным на них досчатым корробом, наполненным картошкой. Мул плелся вперед, солдаты дружно помогали ему, подталкивая сани; животное тяжело дышало, вода бокками, а солдаты переговаривались, смеялись и, случалось, что кто-то из них начинал петь, и тогда деревянная улица русского города наполнялась очень красивыми звуками итальянской мелодии.

Е. Мосягин

Иллюстрация К. Попова

МУДРОСТЬ КНИГ

Что в нашем мире вечно? Мудрость книг.
И скорость мысли превзойдешь едва ли?
А те слова, которые читали, Пророческие были все они.
Теперь на полках книги запылились. Стоят тома - большие как дома. Стоят тома - сплошь полные ума, Стоят и ждут, чтоб мы по ним учились.
Страницы пожелтевшие уже, Жаль, все подвластны времени, старенью.
Проходят дни, используй их для чтенья,
Дай пищу голодающей душе.
А если ночь кошмаров, или дум И не решен вопрос какой-то сложный Совет подкажут книги осторожно И заострят наш притупленный ум.
Когда-то мы читали по слогам, Потом слова, а после предложенья. И трепетное к книгам отношенье Впитали с детства, с молоком у мам.
Жизнь - только приключенческий роман Длинною в пять, шесть, семь десяти летий.
А книг всех не прочтешь за сто выстолений - Той мудрости, той мысли океан.

Там каждый, словно на ветру листок, Оторванный от стебля своего. И буду счастлив я, если в него Моей волеется музы ручеек.
Александр КОЛМАКОВ

ВЕЧЕР

Вечер, и снова память Опускается синей мглой. Сей порядок вещей не исправить. Это то, что всегда со мной. Это то, что приходит на смену Чувствам, отбурлившим свое. Это то, что имеет цену, Правда, вряд ли кто знает ее.
Вечер. В руках гитара. На губах строки новых стихов. Грусть и я - ну чем мы не пара? Наш союз дал немало плодов. А будь счастлив Бетховен с Элизой - До сонет ли было ему? Равнодушного рока капризы Неподвластны простому уму.
Вечер. Обычный вечер И обычная привычная боль. Ожиданье заветной встречи, Что огонь принесет с собой? Загорится, оттаяв, сердце, Чтобы вспомнить, что значит "жить". И тогда никуда не деться, Лишь бы пламя не погасить.
Владимир КУХАРИШИН

МНЕ БЫ ДВА КРЫЛА

Мне взлететь бы птицею, Мне бы два крыла. Мне бы хоть синицею, Да уже стара.
Мне бы в синь небесную, Мне бы на простор, Мне б в мечту заветную, Да туманит взор.
Мне запеть бы иволгой - Да роман пропел. "Опоздала!" - издали Слышится в ответ.
Нина РУДЕНКО
РАССТАВАНЬЕ
Я в безмолвии ночи Слышу только два дыхания. Придорожные огни Им кричали: "До свиданья!" Взгляд. Немая тишина. Жест руки, чуть-чуть неловкий. Расстаются сердца два Расстаются на века.
Между ними вскоре будут Не шаги, а города. Все слова давно забыты И кружится голова. Вдаль умчится поезд скорый Вдаль умчится навсегда. Изредка письмо немое Им напомнит: "Не судьба" И о том, как сердца два Расставались на века.
Мария МУХИНА

Снова ветер жестко хлещет Нежность листьев, как садист. Снова вечер, грустный вечер. Одноко. Ветра свист.

А взлохмаченное небо Вдаль куда-то все плывет, Зернам будущего хлеба Обогреться не дает.
Дмитрий ТОЛКАЧ

Из классики

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Весенний день горяч и золот, - Вес город солнцем ослеплен! Я снова - я: я снова молод! Я снова весел и влюблен!
Душа поет и рвется в поле, Я всех чужих зову на "ты"... Какой простор! Какая воля! Какие песни и цветы!
Скорей бы - в бричке по ухабам! Скорей бы - в юные луга! Смотреть в лицо румяным бабам, Как друга целовать врага!
Шумите, вешние дубравы! Расте трава! Цвети сирень! Виновных нет: все люди правы В такой благоденный день!
Игорь СЕВЕРЯНИН

"Моя душа сегодня бесится - Ей объяви приговор: На тонкой ниточке повеситься, А нет, - так строит на мажор..."
В. Кухаришин. "Душа"

МОЕЙ ДУШЕ

(Пародия)
Моя душа вчера повесилась Оборвалась в ней жизни нить. Намалялась со мной, намучилась И приказала долго жить.
Ну что ж, душа, так может к лучшему, Уж лучше жить мне без души? Давы останемся друзьями, Ты с того света напиши.
И так легко сегодня дышится От этой странной пустоты. Вся гамма звуков чистых слышится - Ведь не мешаешь больше ты.
Ты ведь, душа, - девица с норовом, Сластена ты - моя душа! Я накормил тебя бы здорово, Да вот в карманах ни шиша.
Но не горюй, моя хорошая, С тобой придем мы за стол, По чарке выпьем за воскресенье И спляшем чистый рок-н-рол.
И подняв палец назидательно Я крикнул в даль: "Лети, душа! С тобой я встречу обязательно, Когда ты станешь хороша".
Алексей КРАЕВОЙ